

ОТРОК

ЦИКЛ
Евгения Красницкого

ОТРОК

Внук сотника
Бешеный лис
Покоренная сила
Перелом
Ближний круг
Женское оружие

Евгений КРАСНИЦКИЙ
Елена КУЗНЕЦОВА
Ирина ГРАД

ОТРОК

Женское оружие

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К78

Серия «Отрок»

Выпуск 6

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

**К78 Красницкий, Евгений Сергеевич;
Кузнецова, Елена Анатольевна; Град, Ирина**
Отрок: Женское оружие: роман / Евгений Красницкий, Елена Кузнецова, Ирина Град. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2017. — 480 с. (Серия «Отрок»).

ISBN 978-5-17-101722-4

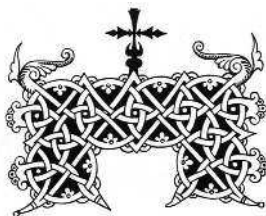
Женский мир... Мужчинам он частенько непонятен, порой раздражает и возмущает, но тем не менее существует, независимо от желания «сильной половины» рода человеческого подчиняться собственным законам, логике и видению окружающего. Это целая вселенная — со своими конфликтами и дипломатией, званиями и регалиями. Есть в этом мире и свое женское оружие. Как любое оружие, оно может быть опасно, особенно если использовать его без должного умения — а ведь на владение им не требуется получать разрешение, оно у женщин всегда при себе. Освоив его в совершенстве, женщина способна самым радикальным образом изменить жизнь хоть одного человека, хоть целого государства. Не каждая владеет своим оружием одинаково хорошо, есть и такие, которые даже не догадываются о его существовании, но... тоже его применяют — порой неосознанно, даже отчёта себе в этом не отдавая, но применяют, и успешно. Разные, одним словом, бывают женщины, двух одинаковых днем с огнем не найдешь.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Евгений Красницкий,
Елена Кузнецова, Ирина Град, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

ISBN 978-5-17-101722-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вам, любезный читатель, книга — попытка показать женскую часть мира, в котором живут героини книг «Отрок». До этого во всех книгах серии господствовал именно мужской мир и мужской взгляд на него. Иначе и быть не могло — писал книгу мужчина и о мужчинах, тот мир населяющих. Однако без женщин мир «Отрока», как и любой другой, не смог бы существовать, и женщины в нем, безусловно, присутствовали, но показаны они именно глазами мужчины. Их истинные чувства, желания и стремления невольно оставались за кадром, тем более что тогда женщины знали свое место и не претендовали на мужское.

Просим феминисток и борцов за равноправие погодить кидаться в нас тапками и туфельками, а тайных женоненавистников не спешить зачислять нас в свои дружные ряды. Вначале попробуем разобраться, такое ли плохое оно было — это место.

Так уж сложилось, что мы сейчас живем в мужском мире. Можно с этим спорить и протестовать, но пока что факт налицо — наш мир именно мужской. Те женщины, которые становятся в нем министрами-офицерами-президентами, чтобы преуспеть на избранном ими поприще, вынуждены принимать именно мужские правила игры. И принимают, и иной раз превосходят мужчин в чем-то, но, увы, во многом ценой ухода от своего женского предназначения. Впрочем, привычная нам система взаимоотношения полов существовала не всегда, и речь

тут вовсе не о матриархате, однако мы не имеем в виду и полную бесправность и заботность женщины, которая тоже имела место в прошлом. Вернее, в один из периодов прошлого нашей страны.

Каждой исторической эпохе более чем одиннадцативековой истории государства Российского соответствовала своя, особая система взаимоотношений между мужчиной и женщиной, своя степень участия женщины в общественной жизни, а также роль женщины в семье и обществе. Не всегда возможно однозначно оценить изменения в этой системе. Например, бесправие времен «Домостроя» одновременно освобождало женщину от множества обязанностей и возлагало на мужчину ответственность за ВСЕ, а конституционно закрепленное в XX веке равноправие вызвало к жизни такие, не побоимся этого слова, извращения, как женщина-шпалоукладчик.

Однако, несмотря на все пертурбации и извращения, женский мир продолжал существовать рядом с мужским, зачастую незримо или совершенно непонятно для сильной половины рода человеческого, повинувшись своим внутренним законам, со своими понятиями пользы и вреда, радостями и печальями, конфликтами и даже войнами. Существовал, сохраняя и оберегая то, что мужской мир либо незаметно для себя утрачивал, либо отторгал преднамеренно; влияя на мужской мир постоянно и неотвратимо.

Не обходился без потерь и женский мир. Смуты и нашествия, голод и эпидемии, революции и регрессы, идеологические и религиозные потрясения... — более чем тысячелетняя история оказалась отнюдь не ласкова к нашему народу. Женщины же, в массе своей, были при этом главной страдающей стороной, но ведь не только страдающей! Так уж получалось, что великие деяния и подвиги, за редчайшими исключениями, совершали мужчины (или они им приписывались), зато женщины, тихо и незаметно, совершали главное — хранили душу своего народа.

Нравственность, обычаи, преемственность поколений, понятия Добра и Зла в их ежедневной, обыденной, а потому незаметной ипостаси. И еще они всегда были тылом — надеждой и спасением. Принимали уставших от битв и свершений мужей, лечили их раны — телесные и душевные, смягчали гнев и ненависть, не позволяя миру скатиться в бездну войн и саморазрушения. И давали надежду на будущее.

Каков же он — женский мир? Так уж сложилось (опять же исторически), что подавляющим большинством главных героев в литературе являются мужчины. Нет, есть, конечно, и женские персонажи: Анна Каренина, Катя и Даша Булавины, мадам Бовари, Скарлетт О'Хара или мисс Марпл... — список обширен, но в большинстве случаев все героини либо действуют в «мужском мире», либо оказываются жертвами законов этого мира. А мы попытались рассказать о самом женском мире — не воюющем и не противопоставляющем себя мужскому, а гармонично дополняющем его. Авторы лелеют надежду на то, что эта книга заставит читательниц внимательнее посмотреть на окружающую действительность и почувствовать, что женский мир, несмотря ни на что, еще жив и во многих случаях может дать ответы, которые, кажется, невозможно отыскать в том, что сейчас принято называть «жизненными реалиями».

Ну а читателям-мужчинам, возможно, покажется небезынтересным, а то и небесполезным, путешествие по *terra incognita* женского мира.

Для достижения своих целей авторы сочли полезным взглянуть на мир «Отрока» женскими глазами. Это не пересказ на иной манер уже описанных в «Отроке» событий, а дополнение — то, что по разным причинам осталось за рамками повествования, но, на наш взгляд, является важным и интересным: взгляд женских персонажей на факты, события и обстоятельства, как правило, почитаемые мужчинами мелкими или несущественными, зачастую

незаметные для мужского глаза, а порой и вовсе именуемые «бабьей дурью». Однако на общую жизнь и мужчин, и женщин эти «мелочи» или «глупости» оказывают весьма и весьма существенное влияние.

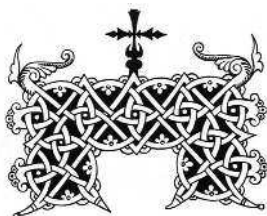
Вот так и появилась на свет книга «Отрок. Женское оружие». По времени описываемые события происходят примерно между тем, что рассказывалось в четвертой книге сериала — «Отрок. Ближний круг» и пятой — «Отрок. Стезя и место».

Засим остаемся в ожидании благосклонного мнения читателей,

Евгений Красницкий, Елена Кузнецова, Ирина Град

ПРОЛОГ

*Июль 1125 года. Правобережье притока Горыни —
реки Слуть*

Дубравное оказалось большим, проезжим, а потому отнюдь не бедным селом. Немаловажной составляющей общего благополучия всего поселения являлся постоялый двор — добротный, окруженный многочисленными хозяйственными постройками. Видимо, раньше он исправно обеспечивал дубравнинцев дополнительными доходами за счет постояльцев, но сейчас, охваченный пламенем, превратился в очень серьезную, почти смертельную опасность.

Нечего было и думать погасить главное двухэтажное здание, оставалось только поливать водой соседние дома, рушить и растаскивать пристройки, чтобы огонь не пошел дальше, и Мишка, что называется, «с чувством глубокого удовлетворения» наблюдал за тем, как быстро и четко действуют на пожаре отроки купеческого отделения Академии Архангела Михаила. Сказались-таки постоянные тренировки, включенные им в программу обучения с благословения воеводы Корнея и при поддержке наставников — к пожарам население сплошь деревянной Киевской Руси относилось очень серьезно. Радовал и урядник десятка — двоюродный брат Петр: он распоряжался уверенно и умело, заражая убеждением в своем праве командовать даже подтягивающихся на помощь жителей села.

Постепенно становилось понятно, что распространиться огню не дадут. Хозяйский дом, на котором уже

занялась огнем драночная кровля, раскатали по бревнышку и залили водой из находящегося в углу двора колодца, а на стоявшем с другой стороны не то сарае, не то складе просто провалили крышу, подрубив внутренние опорные столбы и стропила.

Среди общей суеты и криков невольно бросались в глаза своей неподвижностью две фигуры. Отрок Григорий застыл на коленях возле лежащего посреди двора тела хозяина усадьбы, а отрок Леонид стоял рядом с ним с обнаженной головой и, сам того не замечая, то крестился, то утирал льющиеся из глаз слезы.

Убитый хозяин постоянного двора был отцом Григория и братом отца Леонида — туровского купца, приятеля Мишкиного дядьки Никифора. Он единственный из обитателей усадьбы успел вооружиться мечом и щитом и, во главе четверых не то работников, не то родичей, тоже оружных, сумел дать отпор налетчикам — разменял жизнь на жизнь: рядом с пятью телами защитников лежали пять трупов разбойников. Потом, судя по всему, оборонявшихся положили лучники. Подло — в спину. А раненого стрелой Гринькиного отца еще и добили ударом меча.

В очередной раз Мишка убедился, насколько переменчива и непредсказуема судьба на Руси в двенадцатом веке, впрочем, как и в любом другом, наверное... А ведь даже и мысли не держал, что придется столкнуться с чем-то подобным, когда планировал этот короткий торговый поход, поддавшись на уговоры настырного Осьмы. Тот после нескольких удачных подобных вояжей по Погорынью все-таки подбил Мишку на экспедицию на правый берег Случи в окрестности Давид-городка, ссылаясь на прекрасную возможность проверить таким образом в деле все, чему успели научиться отроки из купеческого отделения в прежних своих поездках с товарами, сопровождая приказчиков Никифора.

Такая «проверка» оказалась более или менее приемлемой версией для воеводы Корнея, для Алексея и Анны, да и для всех остальных. Впрочем, Корней с его изощренным умом, мог бы, пожалуй, решить, что для такого человека, как Осьма, торговля вразнос по погорыньским селищам дреговичей — слишком мелкое занятие, и опытный, ворочавший в прошлом немалыми делами купец стремится увеличить охват зарождающегося предприятия, что, в общем-то, можно было только приветствовать.

Мишка же увидел в стремлении Осьмы выдвинуться к местному торговому (а значит, и информационному) центру — Давид-городку — совсем иное. Пока дело ограничивалось Погорыньем, оно оставалось практически в полной воле Никифора. Только его товарами торговали в ратнинской лавке, только его товары развозились по дреговическим селищам, и только в его руки уходили плоды этой торговли. В этом случае Осьма оставался приказчиком — всего лишь приказчиком! Но не того масштаба была эта фигура. Не мог предприниматель такой квалификации, как Осьма, не попытаться включить Погорынье в региональный торговый оборот. А уж в Давид-городке можно и полезную информацию получить, и нужными знакомствами обзавестись, и собственный, помимо Никифора, бизнес закрутить. В том, что у Осьмы обязательно возникнут подобные намерения, Мишка не сомневался.

Пришлось ехать с экспедицией самому — вроде бы как оценить собственным глазом результаты «проверки» — пускать это дело на самотек Мишка не собирался ни в коем случае. Ну, а раз поехал он, то, само собой разумеется, поехал и Немой. Так и получилось, что в путь собрался довольно внушительный отряд: десяток Луки, пятнадцать отроков купеческого отделения, десяток возов с обозниками под руководством Ильи и Мишка с Немым. И вот — прогулялись, называется... Проверка неожиданно оказалась более основательной, чем задумывалось, а вместо торгового получился едва ли не боевой поход, да еще

и с «купчатами», коих подвергать опасности ни в коей мере не предполагалось — не за тем ребят в учебу взяли.

А началось все с того, что на дороге обнаружались следы четырех груженных возов и сопровождавших их всадников. Под присмотром следопыта из десятка Луки, Петьки Складня, отроки попытались определить количество верховых. Больше для учебы, чем из осторожности — поначалу никто и в мыслях дурного не держал. Долго толклись, спорили, вспоминая занятия с наставником Стервом, и, наконец, пришли к выводу: конных было не меньше десятка. Складень уточнил: одиннадцать. Но и тогда еще особо не насторожились. Вроде бы ничего странного — обоз и обоз, а что в сопровождении целый десяток, так значит, купец осторожный, на оплату охраны не скупится. Беспокойство появилось, когда нашли место их ночевки. И не то обеспокоило, что остановились путники не у дороги, а на полянке в глубине леса (решили же, что купец осторожный), а то, что спальных мест обнаружилось примерно три десятка. Получалось, что возы шли не с товаром, а с людьми! А куда и зачем можно вести обоз под охраной около двух десятков человек, если он идет не к Давид-городку, а от него?

Осьма с Лукой посоветовались, а не послать ли вдогонку странному обозу дозор, но решили зря коней не томить — непонятный караван шел впереди примерно на день пути. Решение это, однако, пришлось изменить, потому что к вечеру наткнулись на место, сильно истоптанное людьми и лошадьми, от которого уходил след уже не четырех, а пяти телег. Тут уже пошло не обучение отроков, а серьезная работа. Петька Складень чуть ли не носом рыл дорожную пыль и в конце концов объявил, что пятая телега сначала шла навстречу обозу, а после истоптанного места развернулась и пошла вместе с ним. К тому же на обочине обнаружались засохшие на траве капли крови.

— Вот глядите! — указал Складень место на дороге. — Они так старались ехать, чтобы встречный след затоптать!

— Илья! — скомандовал десятник. — Давай своих обозников, лес прочесать надо. Петр, спешивай отроков, пойдете справа от них, чтобы пошире захватить. Далеко не заходите — не дальше, чем на сотню шагов. Если не найдете ничего с этой стороны, потом прочешете другую. Складень, ты — старший! Шевелись, шевелись!

Мишка сунулся было идти с отроками, но Немой удержал его, мотнув головой в сторону Луки и Осьмы, оставшихся ждать на дороге — значит, и Мишке, как старшине, место здесь, с командным составом.

Долго прочесывать лес не пришлось — из подлеска выскочил Илья и мрачным тоном сообщил:

— Баба и отрок... оба убитые. Даже ветками не прикрыли, так бросили... шагов тридцать отсюда.

Вопреки Мишкиным ожиданиям, Лука не поехал смотреть находку, а как-то весь подобрался, посуровел лицом и снова начал отдавать распоряжения:

— Отрока Григория ко мне! Быстро! Тихон, возьмишь четверых, пойдешь вперед дозором. Илья, всем верховым собери еды в торока на два дня, и все стрелы и болты, что в обозе у тебя, тоже раздай. Мы пойдем вперед, догонять... этих, а ты с обозом — за нами, и с остережением. Понял?

— Не впервой, — Илья понимающе кивнул головой. — Только это... ребятишкам бы убитых не показывать. У мальчишки голова, почитай, напрочь отрублена, а у бабы уши рваные и пальцы рублены, видать, кольца и серьги рвали с нее. Да и зверье уже до тел добралось... смотреть жутко...

— Наоборот! — прервал Илью злым голосом Осьма. — Пускай посмотрят да поймут, с кем дело иметь придется. Торговый поход, случается, настоящей войной оборачивается. Этому и учим! Пусть видят!

«Та-ак, похоже, что нарвались на банду. Если бы конные сопровождали телеги с полоном, то часть пленных обязательно шла бы пешком – место в телегах заняло бы их имущество. Значит, банда, примерно в тридцать рыл – десяток верхами и два десятка в телегах. Встречных убивают... ненужные свидетели? Блин! А дорога-то к Гришкиному селу ведет! Он-то расписывал: село большое, есть постоянный двор, можно отдохнуть и поторговать...»

– Господин десятник, отрок Григорий...

– Погоди, Гринь, – Лука нагнулся с седла к пешему мальчишке. – Что по этой дороге дальше будет?

– Версты четыре... может, пять, и будет развилка. Если по левой дороге, то к моему селу... ой!

– Тихон! Готов? – Лука обернулся к племяннику. – Тогда быстро к развилке! Разберешься, куда тати повернули, и гонца к нам! Все. Пошел, пошел!

– За мной, рысью!

– Далеко еще до твоего села? – снова обратился Лука к Григорию.

– Дня два... как идти, если поспешить, то можно и быстрее...

– Да не бойся ты, догоним татей! Оставим обоз и верхами! Успеем!

Лука Говорун ошибся – не успели. Совсем немного, но не успели, зато с тем большим ожесточением накинудись на налетчиков.

Тати, увлекшиеся грабежом, оказались совершенно не готовы к стремительной и безжалостной атаке регулярного воинского подразделения. Село к тому времени разорили уже весьма основательно, но закругляться захватчики явно не собирались. «Веселье» было в самом разгаре, когда на головы обнаглевших от безнаказанности разбойников свалился конный десяток Луки Говоруна при поддержке Петькиных отроков с самострелами, доказавших, что в академии их все-таки не напрасно два месяца

гоняли в хвост и в гриву. Так что разобрались с татями быстро, вполне профессионально и совершенно не мучаясь вопросами о превышении меры необходимой самообороны. Не успевшие разбежаться и спрятаться в лесу жители села встретили ратninцев с приличествующим случаю сдержанным восторгом.

На усадьбу и постоянный двор Гринькиного отца — Игната Григорьевича — напали в первую очередь: наверняка основную добычу планировали взять с него, но, судя по всему, получили там достойный отпор. Крепким мужиком был Игнат, иного воина, пожалуй, стоил, даром что купец. Но вот жену свою так и не уберег: Гринькина мать лежала в глубине двора, возле калитки в ограде — простоволосая, явно наспех одетая, со стрелой в спине — достали, видно, бабу, когда она пыталась убежать. Из полусгоревшего дома вынесли труп старой ключницы с разбитой головой да между забором и сараем нашли старика, хоть и раненого, но живого. Гринька кинулся к нему с надеждой:

— Дед Семен!..

— Гринька, ты?.. — заплетающимся языком проговорил тот, увидев парня, и, тяжело вздохнув, отвел глаза. От него-то и узнали подробности налета.

Напали на них на самом исходе ночи, когда село еще спало, так что застали врасплох. Игнат с работниками, однако, успел выскочить навстречу бандитам — собаки упредили, но, несмотря на это, не все бабы сумели спастись — ключница Параша по старости ногами слаба была, да сколько-то еще стрелами побили, пока они к лесу бежали. Куда делись хозяйские дочки — неведомо, бог дал — успели в лесу скрыться.

— Найдем, Гринь! — сочувственно сказал Мишка. — Мы своих не бросаем.

Он специально не стал перебивать парня, когда тот пространно рассказывал про своих погибших домашних — надо было дать Гриньке выговориться.

— Сколько у тебя сестер-то?